

**Книги
АЛЬБЕРТА
САНЧЕСА ПИНЬОЛЯ,**

опубликованные
Издательством АЗБУКА

ПОБЕЖДЕННЫЙ
ГОРЕ ПОБЕЖДЕННОМУ
(готовится к публикации)

*

ХОЛОДНАЯ КОЖА

МОЛИТВА
К ПРОЗЕРПИНЕ

АЛЬБЕРТ САНЧЕС ПИНЬОЛЬ

ХОЛОДНАЯ КОЖА

В переводе
Нины Авровой-Раабен

Санкт-Петербург

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44
С 18

Albert Sánchez Piñol
LA PELL FREDA
Copyright © Albert Sánchez Piñol, 2002
All rights reserved

Перевод с каталанского Нины Авровой-Раабен

Оформление обложки Вадима Пожидаева

Санчес Пиньоль А.

С 18 Холодная кожа : роман / Альберт Санчес Пиньоль ; пер. с каталан. Н. Авровой-Раабен. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 352 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-30380-5

Разочарованный в жизни ирландец нанимается метеорологом в навигационную корпорацию и отправляется на далекий антарктический остров, предвкушая скучную жизнь вдали от мира, в обществе одного лишь смотрителя маяка. Но в первую же ночь на остров выходят порождения моря, и добровольное отшельничество оборачивается нескончаемым кошмаром. Что происходит с людьми, когда они сталкиваются с непознанным? Два человека на острове исчерпают познание и обнаружат, что в его глубинах таится бездна.

Альберт Санчес Пиньоль — ученый-антрополог, одна из крупнейших и наиболее самобытных звезд каталанской литературы. Он творец удивительных миров, в которых перемешивается реальное и фантастическое, а человек снова и снова сталкивается с Иными в лучших традициях Лавкрафта, Конрада и Стивенсона. «Холодная кожа», первый роман Санчеса Пиньоля, стал сенсацией в 2002 году, выдержал уже около тридцати переизданий в Испании и Каталонии, переведен на 37 языков и с успехом экранизирован Ксавье Жансом (в российском прокате этот фильм 2017 года выходил под названием «Атлантида»). Снова и снова с наступлением ночи дети моря выходят на берег, но кто здесь Иные — они, пришедшие из черноты океана, или мы, носители представлений о цивилизации, неспособные увидеть в Ином живого?

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44

© Н. Аврова-Раабен, перевод, 2006, 2010
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-30380-5

Пресса об Альберте Санчесе Пиньоле

Альберт Санчес Пиньоль стремительно восходит на пьедестал самого читаемого каталонского автора всех времен.

El Periódico

Альберт Санчес Пиньоль — великий литературный зодчий, истинный мастер. Его романы страшно увлекательны, и он умеет сделать так, чтобы у читателей замирало сердце и им не терпелось узнать, что будет дальше.

La Lectora

Мы не первые говорим о том, что в каталанской литературе сложилось новое поколение безудержных творцов. Так вот, Альберт Санчес Пиньоль поистине не знает удержу... Он один из самых важных каталонских писателей современности.

La Vanguardia

Санчес Пиньоль — великий рассказчик из племени Александра Дюма. Коварный и жизнелюбивый, он превращает манипуляцию в искусство и дарит нам необычайное наслаждение — некую безбрежную эйфорию.

Télérama

Такой завораживающий ужас мы не испытывали со времен «Повести о приключениях Артура Гордона Пима» Эдгара Аллана По.

*Пере Жимферрер, каталонский писатель,
о «Холодной коже»*

Успех этого романа объясняется не только его литературными достоинствами, но и уникальной его природой.

La Vanguardia о «Холодной коже»

Блистательный роман, который оправдывает само существование Литературы с заглавной буквы Л, — из тех книг, что зачаровывают читателя с первых же слов.

El Cultural о «Холодной коже»

Этот роман — лихорадочная греза, и ее внутренняя логика завораживает сильнее, чем «Песни Мальдорора». Оторваться невозможно.

Charlie Hebdo о «Холодной коже»

«Робинзон Крузо», увиденный «сквозь тусклое стекло, гадательно». Невероятно. По чувствам бьет тараном.

Kirkus Reviews о «Холодной коже»

Ритм гипнотизирует, а мастерски выстроенная история не раскрывает интригу до самого конца.

Der Spiegel о «Холодной коже»

Головокружительная, клаустрофобная история о страхе и желании.

MÍA о «Холодной коже»

Роман, в котором слышны отзвуки Говарда Филлипса Лавкрафта, Джозефа Конрада и Роберта Льюиса Стивенсона. Сюжет захватывает с первых же строк — и мы наслаждаемся, как в юности наслаждались романами Жюль Верна, Фенимора Купера и Джека Лондона.

Diario de Jerez о «Холодной коже»

Первый роман Санчеса Пиньоля — тонко, с большим мастерством выстроенная аллегория человеческого зверства, колдовская и отталкивающая.

Publishers Weekly о «Холодной коже»

Совершенно оригинальная концепция... вопросы, которые задает автор в этом романе, будут преследовать вас еще долго.

Bookmarks Magazine о «Холодной коже»

«Молитва к Прозерпине» — очень многообещающий роман: приключения и интриги, жестокий и завораживающий Древний Рим из альтернативной вселенной, разношерстные персонажи и их трансцендентный квест, невозможные чудовища, этико-политические фантазии и великий талант рассказчика. «Молитва к Прозерпине» — история о том, на что готов пойти человек или целый народ, чтобы избежать конца света.

Ara Llibres о «Молитве к Прозерпине»

Альберт Санчес Пиньоль отправляется в Древний Рим на бой с новыми чудовищами. В своем седьмом романе автор с наслаждением рассказывает хулиганскую историю, погружая читателя в параллельную реальность, населенную древними римлянами и подземными чудовищами-тектонами. «Тектонов я знаю не первое десятилетие. Мы знакомы очень близко. Эти монстры — худшая часть нас самих», — говорит Санчес Пиньоль. Он антрополог, и это образование помогает ему изобразить агрессивный, бессовестный социум, в котором наивысшая ценность — индивидуализм.

The New Barcelona Post о «Молитве к Прозерпине»

В «Молитве к Прозерпине» Альберт Санчес Пиньоль вновь возвращается к схеме, которую мы уже видели в предыдущих его романах, особенно в «Холодной коже». Здесь есть реалистичный контекст — Древний Рим; исторические персонажи — Юлий Цезарь, Цицерон, Помпей; подробно описанный и глубоко прочувствованный подлый мир Римской республики и его властей предрежащих, развращенных и лишенных совести. Здесь есть излюбленная тема Санчеса Пиньоля — власть, которая плевать хотела на людей. И знакомый нам стиль — хулиганский, почти вызывающий юмор, ирония,

россыпи афоризмов. И скептический взгляд на человечество здесь тоже есть. Я полюбил этот роман — ничего не могу с собой поделать.

Llibres, i punt! о «Молитве к Прозерпине»

Автор помещает действие в эпоху Римской республики, но не той, которая известна нам. «Молитва к Прозерпине» — приключенческий роман, и изображенные в нем исторические события отсылают к проблемам, которые живо волнуют нас сегодня.

Nívol о «Молитве к Прозерпине»

Барселонский автор возвращается к корням — к «Холодной коже», первой своей книге, которая принесла ему успех и славу. «Молитва к Прозерпине» — якобы исторический роман, однако в нем масса фантастического; сюрпризы здесь на каждом шагу, остроумие и фантазия блистают... Но главное — приключения. И странствия. С великим тщанием и мастерством Санчес Пиньоль рассказывает сложную, целостную историю. Он никогда не теряет бдительности, а потому напряжение не спадает ни на миг, и в батальных сценах мы слышим звон оружия и тяжелое дыхание воинов, видим их пот, как на лучших страницах «Илиады».

Zenda о «Молитве к Прозерпине»

Как обычно у Санчеса Пиньоля, в «Молитве к Прозерпине» все не то, чем кажется. Роман читается на нескольких уровнях — нужно вглядываться, погружаться, чтобы не упустить важного. Удачно, что автор, прежде чем стать писателем, был антропологом: эта профессия подарила ему инструментарий для сотворения новых цивилизаций.

L'illa dels Llibres о «Молитве к Прозерпине»

В «Молитве к Прозерпине» Альберт Санчес Пиньоль постулирует «идеальную дилемму».

Europa Press о «Молитве к Прозерпине»

Роман Альберта Санчеса Пиньоля отважно и наглядно вскрывает мифы и манипуляции, кто бы их ни творил.

Артуро Перес-Реверте о «Побежденном»

«Побежденный» — магнетический роман: невозможно оторваться от этой истории, отмахнуться от ее чар... Главный герой поистине укоренен в своей эпохе, как будто порожден воспоминаниями, скажем, Джакомо Казановы, с которым у него много общего.

La novela antihistorica о «Побежденном»

Редко попадаете такая книга, про которую ясно, что ее будут читать с неугасающим пылом даже сто лет спустя. Исторический эпик Пиньоля потрясает масштабом и детальностью.

Upcoming4me.com о «Побежденном»

Прибегая к рецептам классики бульварной литературы, Санчес Пиньоля с потрясающей эlegantностью исследует природу истины и любви.

Booklist о «Пандоре в Конго»

Второй роман Санчеса Пиньоля — прихотливое метаповествование, пародия на приключенческую литературу, история, рассказанная с большим воодушевлением. Санчес Пиньоля пишет о проблемах восприятия, о природе литературы, о нашей потребности в героях и о пагубе гордыни. Это умнейшая книга, и вопросы, которые ставит автор, пронзают нас насквозь, а приключенческий сюжет, в который все это упаковано, страшно увлекателен.

Publishers Weekly о «Пандоре в Конго»

Второй роман Санчеса Пиньоля и масштабом, и широтой воображения превзошел первый... Эту книгу полюбят и доктора наук, и поклонники Индианы Джонса.

Library Journal о «Пандоре в Конго»

Восхитительно странная вещь... приключенческий роман, достойный Эдгара Райса Берроуза.

The Times о «Пандоре в Конго»

От этого бурлеска, полного фантастических приключений и небылиц, невозможно оторваться.

Financial Times о «Пандоре в Конго»

Ошеломительное историческое приключение.

Scotland on Sunday о «Пандоре в Конго»

Вторая книга Санчеса Пиньоля — чистая радость. Потому что это изумительный приключенческий роман в традициях Генри Райдера Хаггарда и Эдгара Райса Берроуза. Потому что это язвительная пародия на приключенческие романы в традициях Генри Райдера Хаггарда и Эдгара Райса Берроуза... И однако «Пандора в Конго» лишена и яда, и цинизма. Чистая радость и человеколюбие.

Daily Beast о «Пандоре в Конго»

Воистину полный сюрпризов ящик Пандоры — оригинальная композиция, блестящее повествование, плотный и напряженный роман.

La Nación о «Пандоре в Конго»

Потрясающая, великая литература.

Für Sie о «Пандоре в Конго»

Санчес Пиньоля мешает фантастику, любовь и хоррор, и этот пьянящий коктейль поможет выжить в страшных джунглях.

ABC о «Пандоре в Конго»

Под разными призмами структурной антропологии рассматривая всевозможные наши ожидания — расовые, культурные, литературные, — «Пандора в Конго» сплавляет воедино иронию «Темнейшей Англии» Кристофера Хоупа с многоли-

кой витальностью «Книги рыб Гоулда» Ричарда Фланагана. Выходя за пределы реальной постколониальной политики (которая сковывала бы, скажем, британского писателя) в царство гиперболической фантазии, где давным-давно обосновался Умберто Эко, «Пандора в Конго» выводит Альберта Санчеса Пиньоля в ряды важнейших европейских писателей.

The Guardian о «Пандоре в Конго»

Динамичная приключенческая история в лучших традициях Генри Райдера Хаггарда, но также пародия на эти традиции и тонкое рассуждение о власти литературного воображения... Оригинальность Альберта Санчеса Пиньоля кроется в его тематике и великолепно структурированных сюжетах. Это потрясающий и совершенно уникальный роман.

The Independent о «Пандоре в Конго»

Рассуждение о власти, зле и тирании, с блестяще закрученной напряженной интригой.

El País о «Чудовище Святой Елены»

Не отпустит читателя до последней страницы.

Público о «Чудовище Святой Елены»

Этот роман доходит до самого края света, проверяя на прочность любовь и идеалы, преображая историческое в фантастическое.

The New Barcelona Post о «Чудовище Святой Елены»

Нам никогда не удастся уйти бесконечно далеко от тех, кого мы ненавидим. Можно также предположить, что нам не дано оказаться бесконечно близко к тем, кого мы любим. Когда я поднялся на борт, эта жестокая закономерность уже была мне известна. Однако есть истины, на которых стоит задерживать наше внимание, а есть и такие, соприкосновения с которыми следует избегать.

Мы впервые увидели остров на рассвете. Прошло тридцать три дня с тех пор, как дельфины перестали следовать за нашей кормой, и вот уже девятнадцать дней у матросов изо рта вырывались облачка пара. Моряки-шотландцы спасались от холода, натягивая длинные рукавицы по самые локти. При взгляде на их задубелую кожу невольно вспоминались тела моржей. Для моряков из Сенегала это было настоящей пыткой, и капитан разрешал им смазывать щеки и лоб жиром, чтобы защититься от стужи. Жир таял на их лицах. Глаза слезились, но никто не жаловался.

— Вон он, ваш остров. Взгляните, у кромки горизонта, — сказал мне капитан.

Я ничего не мог разглядеть. Только всегдашнее холодное море в обрамлении серых облаков вдали. Хотя мы давно плыли в южных широтах, наш путь не был оживлен видами причудливых и грозных форм антарктических айсбергов. Ни одной ледяной горы, ни следа плавучих великанов, этих величественных порождений природы. Мы испытывали все неудобства плавания в антарктических водах, но были лишены удовольствия созерцать величие этих краев. Итак, мой приют будет там, у самого края ледяной границы, за которую никогда не будет дано заступить. Капитан протянул мне подзорную трубу. А теперь видите ваш остров? Вы его видите? Да, я его наконец разглядел. Кусок земли в ожерелье белой пены, расплющенный серыми махинами океана и неба. И больше ничего. Мне пришлось ждать еще час. По мере того как мы приближались к острову, его очертания становились все яснее.

Так вот каким было мое будущее пристанище: кусок земли в форме латинской буквы L, у которого расстояние от одного до другого конца едва ли превышало полтора километра. На северной окраине виднелись гранитные скалы, на которых высился маяк. Его силуэт, напоминавший колокольню, главенствовал над островом. В нем не было никакого особого величия, но незначительные размеры острова придавали ему значимость поистине мегалитического сооружения. На юге, на сгибе буквы L,

было еще одно возвышение, на котором виднелся дом метеоролога. А следовательно, мой. Эти сооружения располагались на двух концах узкой долины, заросшей влаголюбивыми растениями. Деревья тесно прижимались друг к другу, точно стадные животные, пытающиеся укрыться за телами своих сородичей. Стволы прятались среди мха, который поднимался здесь до колен, — явление необычное. Мох. Его поросль казалась плотнее, чем зеленые изгороди в саду. Пятна мха расползались по коре деревьев, точно язвы прокаженного, — синие, лиловые и черные.

Остров был окружен множеством мелких скал. Бросить якорь на расстоянии менее трехсот метров от единственной песчаной бухты перед домом было задачей совершенно невыполнимой. Поэтому меня самого и мои пожитки погрузили в шлюпку — иного выхода не оставалось. Решение капитана проводить меня до берега следовало считать чистой любезностью. В его обязанности это не входило. Однако во время долгого путешествия между нами зародилась некая взаимная привязанность, какая порой возникает между мужчинами разных поколений. Его жизнь началась где-то в портовых районах Гамбурга, но потом он сумел получить датское подданство. Самыми примечательными в его внешности были глаза. Когда он смотрел на человека, весь остальной мир для него переставал существовать. Он классифицировал людей, словно

энтомолог — насекомых, и оценивал ситуации с точностью эксперта. Из-за этого некоторые считали его жестоким. Мне же кажется, что внешняя суровость была его способом проводить в жизнь те идеалы терпимости, которые он тщательно скрывал в тайниках своей души. Этот человек никогда бы не признался открыто в своей любви к ближнему, но именно ею были продиктованы все его действия. Со мной он всегда обращался с любезностью палача, исполняющего чужой приказ. Он был готов сделать для меня все, что было в его силах. Но кто я для него, в конце концов? Человек, которому до зрелости оставался путь длиннее того, что отделял его от юности, получивший направление на крошечный остров, открытый жестоким полярным ветрам. Мне предстояло провести там двенадцать месяцев в одиночестве, вдали от цивилизации, выполняя однообразную и столь же незначительную работу: отмечать силу ветра и фиксировать, с какой частотой он дует в том или ином направлении. Эта служба была регламентирована международными договорами в области мореплавания. Естественно, за такую работу хорошо платили. Однако никто не согласился бы жить в такой дали ради денег.

Капитан, я и восемь моряков на четырех шлюпках подплыли к берегу. Морякам пришлось довольно долго трудиться, выгружая провизию на целый год, а кроме того, сундуки и тюки с моими вещами.

Множество книг. Я предполагал, что у меня будет достаточно досуга, и теперь хотел заняться чтением, на которое в последние годы у меня совершенно не оставалось времени. Капитан понял, что разгрузка затягивается, и сказал: «Ну, пошли». Итак, мы двинулись вперед по песчаному берегу. Тропинка, поднимавшаяся вверх, вела к дому. Предыдущий его жилец потрудился сделать вдоль тропинки перила. Куски дерева, которые море отполировало и, наигравшись, выбросило на берег, были в беспорядке воткнуты в землю. Может, кому-то покажется невероятным, но именно эти перила заставили меня впервые задуматься о человеке, которого предстояло сменить. Это был некий конкретный человек, след воздействия которого на природу сейчас возник перед моими глазами, каким бы незначительным он ни был. Я так подумал о нем, а вслух сказал:

— Странно, что метеоролог нас не встретил. Он должен быть без ума от радости, что приехала смена.

Как это часто случалось во время моего общения с капитаном, едва я произнес эти слова, мне стало ясно, что говорить их было бессмысленно: он уже знал, что я ему скажу. Мы стояли прямо перед домом. Коническая крыша, покрытая шифером, стены из красного кирпича. Сооружение не отличалось красотой и не вписывалось в пейзаж

острова. Где-нибудь в Альпах его можно было принять за приют в горах, скит в лесу или таможенный пост.

Капитан застыл на месте и так стоял с минуту, которая показалась мне вечностью, с видом человека, чующего опасность. Я ждал его решений. Рассветный ветер теребил ветки деревьев, которые росли по углам дома и напоминали канадские дубы. Ветер был не слишком холодным, но неприятным. Какая-то странная тревога повисла в воздухе, хотя ничто не говорило об опасности. Пожалуй, нас тревожило не столько то, что открылось перед нашими глазами, сколько то, чего мы не могли увидеть. Куда запропастился метеоролог? Может, он занят своей работой где-то неподалеку? Или отправился на прогулку? Постепенно я стал замечать недобрые предзнаменования. Окна дома небольшие, квадратные, с толстыми стеклами. Деревянные ставни открыты. Они хлопали. Это мне не понравилось. Похоже, вокруг дома, прямо под окнами, когда-то был разбит сад. Его граница отмечена камнями, наполовину закопанными в землю. Растений почти нет, словно по саду прошло стадо слонов и вытоптало их.

Капитан сделал привычный жест: поднял подбородок, словно воротничок синего мундира вдруг стал ему тесноват. Потом толкнул дверь. Она открылась со скрипом. Если бы двери могли гово-

рить, этот скрип означал бы: «Проходите, коль вам угодно, я не отвечаю за последствия». И мы вошли.

То, что мы увидели, было похоже на записи в дневнике исследователя Африки. Казалось, домом овладели полчища тропических термитов, которые сожрали все живое и перепортили все вещи. Крупные предметы мебели остались нетронутыми. Это была картина не столько разрушения, сколько запустения. Дом состоял из одной-единственной комнаты. Кровать. Возле очага кучка дров. Стол перевернут. Кухонная утварь словно испарилась — сам не знаю, почему этот факт показался мне исполненным глубочайшей тайны. Никаких личных вещей моего предшественника тоже не было видно; исчезли и метеорологические приборы. Но этот разор показался мне скорее результатом какого-то странного помешательства, нежели стихийного бедствия. И хотя дом представлял собой весьма грустное зрелище, там можно было жить. Шум волн явно доносился до нашего слуха.

— Куда поставить вещи господина инспектора ветров и облаков? — спросил подошедший сенегалец Соу.

Морякам удалось наконец перенести багаж с берега к дому.

— Вот сюда, или поставьте здесь, все равно, — сказал я решительно, чтобы не показать, что от его голоса, прозвучавшего так неожиданно, я вздрогнул.

Капитан сорвал на моряхах раздражение, которое вызывала у него ситуация:

— Будьте добры, Соу, пусть ребята наведут порядок в этом бедламе.

Пока команда трудилась, расставляя сундуки и вещи по местам, капитан предложил мне пройти до маяка.

— Может быть, мы найдем вашего предшественника там, — сказал он мне, когда моряки остались далеко позади.

По имевшимся у него сведениям, на маяке тоже кто-то должен был жить. Он не помнил точно, кому принадлежало это сооружение — голландцам, французам или кому-то еще, — но у него был хозяин. Служитель маяка соседствовал с метеорологом, а потому было совсем нетрудно предположить, что они могли в подобных обстоятельствах стать приятелями. Однако это было скорее умозаключение, чем надежда. Такое предположение могло помочь нам найти метеоролога, но никак не объясняло состояние дома. В любом случае на маяк стоило сходить.

Я помню, какое беспокойство владело мной, пока мы преодолевали это короткое расстояние. Конечно, в большой степени его можно было объяснить моим душевным состоянием в тот момент. Вдобавок лес, расстилавшийся перед нами, был совсем не похож на обычный. Тропинка вела прямо

к маяку. Иногда она отклонялась, скрывая под коварным мхом ямки в земле или болотистую почву. Сразу за деревьями плескалось море, до нас доносилось его монотонное дыхание. Но хуже всего была как раз тишина. Или, точнее сказать, отсутствие звуков. Ни пения птиц, ни стрекота насекомых. Множество стволов весьма значительного размера изогнулись под напором ветров. С борта мне показалось, что лес очень густой. Вид издалека нередко обманчив, когда мы судим о плотности массы людей или растительности, но на этот раз впечатление оказалось верным. Деревья стояли так плотно друг к другу, что порой было невозможно определить, когда два ствола шли от одного и того же корня, а когда поднимались каждый сам по себе. Местами тропинку пересекали мелкие ручейки. Похоже, это была талая вода с горных ледников, а не та, что бьет из ключей. Перешагнуть через них не стоило труда.

Верхушка маяка открылась нашим глазам неожиданно, вдруг появившись над кронами самых высоких деревьев. Тропинка обрывалась у края леса. Мы увидели голую гранитную скалу, на которой возвышалось сооружение. Океан окружал ее с трех сторон. Во время бурь волны, наверное, яростно бились о камни. Неизвестный строитель поработал здесь на совесть. Округлые, толстые стены, чтобы сдерживать натиск шторма; пять бойниц, как на

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

АЛЬБЕРТ САНЧЕС ПИНЬОЛЬ

ХОЛОДНАЯ КОЖА

Ответственный редактор Анастасия Грызунова
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Полина Дроздовская, Антонина Семенова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 05.11.2025.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 21,56. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-BRM-39542-01-R